



ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

КЛАД ХОЗЯИНА НЕ ИМЕЕТ

Annotation

«Клад Хозяина не имеет» — роман не о кладах, а о людях, ибо — самым дорогим, самым ценным и желанным из всех существующих кладов, найденных и не найденных на Земле, является все-таки — Хороший Человек, найти которого, во много миллиардной человеческой Руде, становится все сложнее. Героям нашего романа — это удалось!

Василий Гурковский

Клад хозяина не имеет

*Хозяин клада не тот, кто его заложил,
И, даже не тот, кто его — нашел, а тот,
Кто им воспользовался...*

Василий Гурковский

Глава первая

Григорий сидел на пенке у ворот собственного дома, грустно чертил на песке незамысловатые фигуры и изредка посматривал на расстилающуюся перед ним балку, по обеим сторонам которой, раскинулось село. Собственно села уже как такового, давно не было, из двух улиц, длинными рядами тянувшихся когда-то по обеим сторонам широкой балки, осталось с десятков строений, похожих на дома, а вся остальная территория, была похожа на эпицентр мощнейшего землетрясения. Местами из земли выступали отдельные стены бывших домов, а — в большинстве своем, на месте домов, — просто были поросшие многолетним бурьяном и кустарниками — холмы строительного мусора.

Летом, буйная зелень, прикрывала, нивелировала как-то страшные развалины, а с наступлением осени, то, что осталось от села, — представляло собой жуткое зрелище, как будто бы по селу била прямой наводкой тяжелая вражеская артиллерия или, несколькими заходами, его бомбила авиация. Два десятка нынешних жителей, давно свыклись с судьбой и доживали свой век в родных домах, ни на кого и ни на что не надеясь. Без магазина, без школы, медпункта, без работы и без всяких проблесков цивилизации, включая телевизор. Вся молодежь и трудоспособные люди среднего возраста, давно перебрались или в город, за двадцать километров, или на центральную усадьбу колхоза, за одиннадцать километров. Остались только те, кому и некуда было идти, и не к кому и незачем, да уже и не очень хотелось что-то искать и менять. Те из них, кто имел возможность, силы и желание, — держали какое-то хозяйство, — курей, уток, коз, сажали на огородах, кто что мог, и просто отживали каждый день, как последний. У абсолютного большинства этих забытых Богом и властями, людей, как правило, — не было ни родных, ни близких, иначе они тоже давно покинули бы это место.

У Григория — тоже нигде и никого не было, кроме жены, которая была старше его лет на пять. Раньше они вместе работали в местном колхозе, там познакомились и поженились. Село было не очень большое, но колхоз был на хорошем счету в районе, практически все

люди в нем работали и по тем временам были довольны. Были и школа, и магазин, и медицинская амбулатория с аптекой, и дороги приводили в порядок. Потом, в начале пятидесятых годов, начали укрупнять колхозы, в селе оставили только бригаду от большого объединенного колхоза, животноводство и другие направления — ликвидировали, осталось только зерновое производство, потом и бригаду со временем расформировали, зачем нести дополнительные расходы, — из большого села, группой, приедут — вспашут тракторами, посеют сеялками, потом уберут комбайнами, а зерно отвезут на центральную усадьбу, и все, — местных работников — не требуется.

И начали разъезжаться люди, кто куда, в основном — в соседние города. Не стало детей — не стало школы, ну и так далее. Сегодня — уже ничего не стало....

Пришла «перестройка», начали раздавать земли под дачные участки. Несколько человек из соседнего города, выпросили у колхоза разрешения на отдельные пустующие бывшие огороды, некоторые выкупили полуразрушенные дома и тоже получили право на пользование приусадебными участками. Чуть-чуть веселее стало на улице, но только на выходные дни. «Дачники» приезжали, до ночи работали и уезжали домой, а в селе все так и оставалось, как было.

Григорию, в какой-то мере повезло — напротив, через улицу, жила одинокая старушка. Дом у неё неплохо сохранился, покрыт шифером, во дворе — еще один дом, поменьше, в порядке летней кухни. Когда она ушла из жизни, её сестра, живущая в соседней республике, продала дом «дачникам». Дом купили на — пополам, двое мужиков, из города, оформили на себя приусадебный участок, привели в порядок заросшую кустарником, территорию, огородили все сетчатым забором и начали заниматься сельским хозяйством. Интересно поделили жилье и участок. Летнюю кухню и прилегающую к ней часть участка, добровольно взял себе один из новых хозяев, а больший дом, с другой половиной участка, как раз напротив двора, где жил Григорий, уступил другому. Познакомившись с обоими соседями поближе, Григорий понял, что тот сосед, который без всяких розыгрышей, уступил лучшую половину своему компаньону, сделал это вовсе не в виде благородного жеста, а только потому, что больший дом с участком, был по улице крайним. Дальше за ним, шел пустырь и развалины.

Примерно одинаковые по возрасту, умные, грамотные,

занимающие солидные руководящие должности в городе, новые соседи Григория, были абсолютно разные по характеру и общему менталитету. Если сосед-второй, (Григорий никогда не называл его «соседом»), сразу поставил на все окна своего домика железные решетки, повесил два замка на дверь и один большой, амбарный, на примитивную сетчатую калитку, выходящую на улицу, то сосед, который поселился напротив, входную калитку закрывал на резиновое кольцо, внахлест, а входную дверь в дом, хотя и запирали тоже на висячий замок, но один ключ от него, сразу передал Григорию, попросив его иногда заглядывать в дом, все-таки он старый, подсоединен к электросети, мало ли что может замкнуть и т. п. Тем более — там находится газовая плита и баллон с газом. Григорий часто бывал в доме соседа в рабочие дни. Там одна из комнат, до потолка была забита многими интересными вещами, запасными частями к разным маркам автомобилей, всевозможными инструментами и материалами. Григорий перебирал руками все это «богатство», знал каждую мелочь, что и где лежит, но никогда ничего не трогал и не уносил. И не важно, что и сам хозяин может не всегда что-то помнить, что и сколько у него есть, и где оно находится, но Григорий никогда не брал даже одного гвоздя, хотя их, разных размеров, там было с десятков ящичков. Для Вора (а Григория все в селе считали главным вором, он даже отсидел несколько лет по воровской статье, в свое время) — Доверие, было главным показателем жизни «по понятиям». У того, кто вот так просто и искренне доверяет — красть нельзя, да и незачем: — Григорий знал, что, если ему что-то будет надо, он — попросит и сосед ему всегда даст.

Как следствие — второй сосед, в каждый приезд, жаловался своему «компаньону», что у него опять что-то украли — то шланги, то насос, то доски, то саженцы молодые поковыряли, то что-то еще. Сосед Григория, сочувственно принимал эти заявления к сведению, и только. У него ничего и никогда не пропадало. Бывало, где-то оставит ночью какой-то инструмент, даже вне участка, — топор, молоток или пилу, лопату, — а приедет через неделю- все лежит там, где его оставили, даже налет ржавчины появится, но никто не тронет. Потому, что все — и местные, и приезжие, знали — этот участок под негласной охраной Григория. А он — непредсказуем. Услышит ночью шум в кустах вокруг своего дома, вначале выстрелит туда из ружья, а потом кричит: «Стой, кто идет?».

Так что с соседом Григорию точно повезло. Тот, как приезжает, обычно с женой, обязательно привезет им — трехлитровую банку домашнего вина (он сам его дома делает, замечательно), бутылку подсолнечного масла, несколько буханок хлеба, пару колец любимой Григорием и Лидой (его женой) печеночной колбасы. Это был такой, еженедельный «обязательный» продуктовый подарочный набор, хотя бывали и другие «добавки». Все это шло и от чистого сердца, и в порядке благодарности за помощь. Григорий, в отсутствие хозяев, часто включал примитивную систему полива соседского огорода, а при выполнении отдельных масштабных видов работ (посадка, прополка, сбор урожая) — они с женой, без всяких просьб и приглашений, — приходили на помощь. Так и жили уже несколько лет. Как добрые соседи, ближе, чем некоторые родственники. Весной этого года, сосед привез пару двухмесячных поросят, несколько мешков комбикорма, предложил Григорию ухаживать, а осенью поделить мясо пополам, Григорий с женой с радостью согласились. А чего? — Все какая-то забота появилась. Кормить есть чем, они добавляют еще свежие зеленые корма, и тех поросят, за три месяца — уже не узнать!.

Григорий, размышляя о текущей жизни, сидел на пеньке, лицом к поднимающемуся солнцу, и так муторно у него было на душе, а еще больше беспокоило то, что творилось у него в районе живота. Там начинал разгораться какой-то адский огонь, который невозможно было загасить ни водой и ни огуречным рассолом. Вчера вечером, до его слуха донеслись звуки пьяной песни. Понятно, что, если появились такие песни, то значит, где-то люди веселятся, и, наверняка, не на сухую. Не вытерпел Григорий — двинулся на голос. Искать долго не пришлось. В этом конце улицы, было всего шесть домов, по три с обеих сторон. По правой стороне, где был дом Григория, с большими интервалами стояло два дома, один — «дачный», хозяина там вчера не было, а в последнем — жила Мария, одинокая женщина сорока пяти лет.

С левой стороны улицы, первым с края, был двор дачников из города, о которых уже шла речь, потом стоял дом деда Степана, ему было под семьдесят, жил сам, без семьи, и последним в этом ряду стоял дом Нади, ровесницы Марии, энергичной такой женщины, от которой можно было ожидать всего, чего угодно и когда угодно. Она жила в гражданском браке с неким Василием, который был моложе её на

несколько лет и, для которого, весь интерес к жизни, шел только через спиртное. Вот оттуда, из их двора, и доносились веселые песни вчерашним вечером.

Когда Григорий вошел к ним во двор, неогороженный и неухоженный, увидел довольно необычную картину, то сразу понял причину возникновения песенного настроения у своих соседей. Посредине двора, лежала опрокинутая набок деревянная бочка, литров на двести, а рядом с ней, вокруг большой эмалированной миски, с какой-то жидкостью, сидели на земле — хозяйка Надя, её сожитель, и соседка — Мария. Никаких стаканов, тем более никакой закуски, рядом — не наблюдалось. Все было просто. Из поднятой из подвала бочки, где, видимо, раньше было вино, в миску было выбрано литров пять розово-сине-зеленого «желе», то есть, того, что осталось на дне бочки. Веселая троица, одной алюминиевой кружкой, по очереди, заглатывала в себя эту жидкую массу, ничем не запивая и не сдабривая, главное — стараясь — быстрее её «освоить». Скорее всего, концентрация алкоголя, или чего-то другого, одурманивающего, в том желе, была настолько высока, что компания не освоила и половины его объема, а их уже потянуло на песни....

Григорий тоже, сдуру (надурняк!), проглотил кружки три той массы, а потом у него всю ночь горело огнем в животе, хоть на стену лезь. Не помогали ни чай, ни рассолы, ни просто холодная родниковая вода. Периодически все его тело охватывала непонятная холодная дрожь и он не находил себе места. Сегодня суббота. Хотя бы приехал сосед, может быть, найдет, чем полечить!..

Тут поневоле согласишься в чудо, — не успел Григорий, сидя на пеньке, повернуться направо и с надеждой посмотреть вдоль улицы, как из-за крайних развалин, показалась машина соседа. Классная была у него машина, вездеход, восьмиместный Газ-69, по любой грязи проходит, Григорий не раз в этом убедился сам. Через минуту, машина остановилась напротив калитки, рядом с Григорием. Вышел долгожданный сосед, не заходя в свой двор, приветливо поздоровался с Григорием и передал тому большой бумажный ящик, добавив, улыбаясь: «Подарок от зайца!». Когда Григорий относил ящик домой, сосед, вдогонку, попросил его через какое-то время подойти, мол, дело есть, но это не горит. Как сможете, — так и приходите. Сосед пошел заниматься своими делами, а Григорий поспешил в дом, знакомиться с

полученными подарками.

После обеда, «оздоровленный» Григорий, пришел на огород к соседу и напомнил, что вы, мол, просили зайти через время. Они с женой, успели за это время оприходовать половину банки вина, хорошо перекусили, пару часов поспали и теперь он, наконец, пришел в себя и был готов на выполнение любых просьб от соседа. Сосед это понял без слов и сказал, что хотел приподнять две своих цистерны, в которых нагревалась вода для полива, где-то на метр от земли. Лежа на земле, они, во-первых ржавеют быстрее, а во-вторых — с высоты — будет большее давление вытекающей из них воды. Но для этого надо выложить овалы основания и поднять на них цистерны. Цемент у соседа есть, песка — привезем из карьера, необходимо найти достаточное количество кирпича или камня. Григорий тут же заявил, что этого добра полно в развалинах домов, просто надо этим делом заняться.

Они тут же собрали необходимый набор инструментов — лом, топор, лопаты, поставили в кузов большой специально приготовленный для перевозок строительных материалов, металлический ящик, потом съездили в карьер, набрали полный ящик песка для приготовления будущего раствора, завезли его во двор соседа, а после этого уже, — поехали искать кирпич и камень, среди развалин. Григорий хорошо знал все места, где что-то лежало, неважно нужно ему или нет. Нужно для него, — он давно прибрал к рукам, но хорошо знал места, где есть то, что нужно сегодня соседу. На месте одного, когда-то по виду большого дома, среди развалившихся стен, сиротливо торчала крепкая дымоходная труба. Когда Григорий с соседом, разобрали остатки потолка и крыши вокруг неё, то увидели почти полностью сохранившуюся большую русскую печь, стоявшую на солидном, почти метровом основании, сложенном из камня — котельца и обложенного красным кирпичом. Кирпич был, судя по маркировке, производства местного кирпичного завода, которых по этой балке в царские времена, было несколько. Местные заводы, все принадлежащие раньше немцам-колонистам, производили кирпич и красную черепицу со всеми необходимыми аксессуарами. Продукция у них была высочайшего качества и пользовалась спросом во всем уезде. Печь, и её основание, было выложено на глиняном растворе, и разбирать их было несложно. Кирпич, пролежавший многие десятки лет, — был почти, как новый.

Расстояние перевозки — не более пятисот метров, поэтому — за несколько часов, необходимое количество материала было выбрано, погружено и перевезено на участок соседа. Григорий даже хотел начинать выкладывать основания под цистерны, но солнце уже садилось, сил было отдано в этот день много, поэтому сосед сказал, что выкладкой оснований, займется завтра, а сейчас — давайте помоемся и поужинаем. Что они и сделали. Жена соседа приготовила отличный ужин, и они вчетвером (пришла жена Григория) хорошо посидели. Сосед отдал Григорию еще одну банку вина, добавил большую часть оставшейся закуски и на том они разошлись. На другой день основания были выложены, на цементном растворе, а к вечеру, — были установлены на места пустые цистерны, которые Григорий пообещал за ночь наполнить водой.

Это была прелюдия к дальнейшим действиям наших героев.

Глава вторая

Когда разбирали основание под печь, Григорий обратил внимание на вмурованный в глину большой чугунный казан, грушевидной формы. Обычный казан, которые раньше были в каждом сельском доме, да и не только в сельском. Такие казаны делались под кухонные плиты. Плиты, чаще всего были чугунные, имели по две (или более) конфорки (отверстия); они(плиты), в не рабочем состоянии закрывались специальными чугунными же, кольцами, которые снимались, оставляя отверстие для доступа к огню, в зависимости от размеров казана, сковородки или кастрюли.

Казан, который заметил Григорий, был на 12 литров. Размер, год выпуска, изготовитель, а при советской власти — и цена, выпукло отливались сразу, при изготовлении таких изделий, на верхней внешней поверхности. Он был залит каким-то раствором, крепким, как камень. Сосед оттолкнул его ногой, но Григорию стало жалко такую старинную посуду. Он внимательно осмотрел казан, убедился, что он целый, без трещин, и — погрузил его в машину, последним рейсом. Когда приехали на место, Григорий откатил казан к своей калитке, поставил его широким местом на землю, рядом с торчащим здесь же пеньком от спиленной акации, потом вынес со двора кусок доски, положил её сверху на пенек и казан, получилась скамейка. Правда, сидеть на ней было не совсем удобно, — казан был сантиметров на десять ниже пенька, ну это можно было выровнять, подставив что-нибудь со стороны казана. Григорий даже посидел на той скамейке, потом позвал жену и они, сидя, вместе наблюдали, как собирались и уезжали домой их соседи. Завтра- у них рабочий день.

В понедельник, утром, Григорий «освежился» из привезенных вчера соседом запасов и пошел босиком по росе на огород соседа. Там разложил шланги, подсоединил насос, стоящий далеко внизу за соседским огородом в специальной запруде, включил его, посмотрел, как наливается вода в пяти кубовую цистерну и спокойно пошел домой. Когда посмотрел снизу вверх на свою новую «скамейку», она, перекошенная, ему вовсе не понравилась, поэтому он отнес доску во двор, казан перевернул широким отверстием вверх и задумался — что с

ним дальше делать. Выбрасывать такую вещь было жалко, надо попробовать выковырять из него раствор. Казан пригодится в хозяйстве, тем же свиньям варить еду можно, или воду греть.

Григорий пошел в дом, взял топор, тяжелый молоток и большое старинное зубило. Еще раз осмотрел внимательно казан со всех сторон — вроде бы целый, и начал долбить бетон, потихоньку, начиная с середины. За много лет начинка казана так слежалась, что её не брало зубило, а сильней бить Григорий не решался, казан все-таки чугунный, может лопнуть. Провозившись с ним некоторое время, Григорий решил сделать перерыв и пошел в дом освежиться стаканчиком вина. Тем более, он работал на солнце, которое пекло по-летнему.

Его чуть не хватил удар, когда он снова вышел на улицу. Между двором Григория и соседа-дачника, шла дорога, но двор Григория стоял выше, с перепадом высот метра в два. Он увидел, что злополучный казан, который он по неосторожности оставил на боку, видимо, под собственной тяжестью, скатился вниз, мало того, он попал точно в бетонный столб соседского забора, и, ударившись об него, — развалился на три части. Григорий, непроизвольно бросился к нему и увидел, что казан только сверху был закупорен застывшим раствором, слоем в два-три пальца. А дальше, внутри, в нем находилось что-то другое! Он быстро собрал и перенес к себе во двор части казана, закрылся в сарае, и принялся изучать его содержимое. То, что там оказалось — можно было, с натяжкой, назвать Кладом. Снизу дно казана, тоже покрывал небольшой слой окаменевшего раствора, выше была закручена узлом старая кожаная шапка, набитая бумажными денежными купюрами царских времен. Были там купюры разных достоинств — от одной большой пятисотенной, с портретом Петра I, красных сотенных, с портретом Екатерины II и — до десяти и пятирублевых бумажек. Сверху, над шапкой с бумажными деньгами, была заложена промасленная небольшая сумка с серебряными царскими рублями, разных лет, начала двадцатого века. Их Григорий насчитал ровно 200 штук. Серебряные монеты потускнели, но выглядели вполне прилично. Григорий их пересчитал дважды, но их — таки и было ровно двести штук.

Судя по тому, что среди найденного, оказалось два рулончика, прямоугольных «керенок» (денег Временного правительства России), клад был заложен в самом начале двадцатых годов, когда еще не ходили

по стране советские деньги, а тот, кто его закладывал, видимо очень надеялся, что старая власть все-таки вернется. Бумажных денег было больше десяти тысяч. Но, воспрянувшего духом вначале, Григория, все это «богатство» не очень обрадовало. Куда он пойдет с теми царскими монетами, а бумажные деньги, так вообще можно выбросить сразу. Когда в субботу снова приехал сосед, — Григорий рассказал ему о том, с чем оказался найденный ими казан, но про монеты, он не сказал ни слова. Предложил соседу бумажные деньги, тот сказал, что они ему не нужны, и что купить их никто не купит, возьмут любители, но только в виде подарка. Но, чтобы Григорий хотя бы что-то получил за них, сосед взял у него ту шапку с деньгами, сказал, что отдаст их детям, для истории, а Григорию, в порядке компенсации разочарования, отдал две трехлитровых банки вина. Обе стороны остались довольны.

Григорий не знал, что делать с серебряными монетами, боялся, что кто-то узнает про них, а у него есть судимость за воровство, опять прицепятся — где взял, да еще столько и т. д., а что он скажет — нашел? так даже сосед не подтвердит это, он же ему не сообщил правду. Мало того, что конфискуют, так еще и посадят. Жене он тоже о монетах не рассказал, а то ещё проболтается где-то.

Пролетело лето. Разъехались дачники. Сосед приезжал раз в месяц, конечно, с подарками, но это раз в месяц, а не каждую субботу!. Начались дожди, пришел холод, а царские рубли так и лежали у Григория мертвым грузом. Он не знал, что с ними делать, к кому можно обратиться, да и вообще не знал, что они сегодня стоят, если вообще что-то стоят!.

Как всегда, неразрешимые будто бы вопросы, разрешаются самой текущей жизнью. Много лет соседка Мария, принимала ухаживания Григория бесплатно. Пока он был моложе, то всегда находил, чем её отблагодарить, а тут пришло для всех тяжелое время — нечем стало благодарить Григорию, кроме, как самим собой. Но Марии, этот способ благодарности, перестал нравиться за бесплатно и она его просто отшила. Несколько раз он пробирался кустарниками к ней в пристройку, но всегда был изгнан, а в последний раз Марии заявила, что, если он еще раз придет (с пустыми руками), то она расскажет о его домогательствах и о прежних их встречах, его жене — Лиде. Нет, Мария не прогнала его навсегда, она просто подчеркнула, что пусть не приходит «с пустыми руками». Ну что делать? Была у него в заглазнике

десятка, так за неделю — закончилась. Мария установила таксу — пришел — три рубля положи на стол. Время не ограничивалось, а сам приход стоил денег. Больше у него нынешних рублей не было, зато было желание, и оно со временем только усиливалось, в непонятной прогрессии.

В один из дней, пришлось Григорию отнести Марии первые три царских рубля, как бы по курсу один к одному. Мария вначале покрутила носом, но согласилась взять и монеты. С тех пор, серебряные рубли тонким таким ручейком, потекли от Григория к Марии. Как-то раз, Григорий, придя к ней, заметил, что она находится в хорошем подпитии. После небольшого любовного допроса, Мария призналась, что его рубли, охотно принимает по тому же курсу — один к одному, сосед через дорогу — дед Степан, в обмен на вино. Трехлитровая бутылка «бурчика» (самодельное вино — перебродившие — вода, сахар и виноградный жом), отпускалась дедом, за три царских рубля. Так появился интерес и у Марии. Она и Григория ублажала, и имела за что приобретать вино. Приятное с полезным, или неполезным, неважно, но интерес у неё появился — точно.

Этот «треугольник» работал довольно долго, почти всю зиму. Долго, потому, что расходы Григория шли только по одному адресу — на Марию. Потом он стал приобретать через неё и вино, у того же деда Степана, чтобы самому не светиться. Деда Степана абсолютно не интересовало, — откуда у соседки Марии столько царских рублей. Он знал одно — резервы Марии все равно закончатся, рано или поздно и перейдут к нему. Так оно и случилось. За зиму, Григорий прогулял весь свой «клад», оставил себе на память один серебряный рубль, отполировал его древесной золой до блеска, потом спрятал его на память в корпусе иконы, висевшей в углу большой комнаты. Для него настали грустные времена, хорошо, что дело шло к весне, скоро подсохнет земля, начнет приезжать сосед с «подарками» и жизнь опять войдет в нормальное русло. Мария поняла, что запасы Григория иссякли, проявляла сдержанность и не напоминала ни о чем, но «с пустыми руками» больше его не принимала.

Таким образом, весь найденный Григорием клад, перекочевал в собственность деда Степана. Тот «дед», внешне не заметный и тихий, на самом деле был далеко не ординарной личностью. В его «послужном списке», за почти семьдесят лет, трудно было найти хотя бы одно, даже

малое доброе дело. Еще до войны, подростком, он отправился в Одессу, начинал воришкой-карманником, одно время работал в порту грузчиком, там по неосторожности потерял три пальца на левой руке. По этой причине, не попал в армию и не воевал на фронте. Всю войну и, особенно в послевоенные годы, принимал участие в различных бандитских нападениях, особенно на транспорте. Грабил с подельниками пассажиров, передвигающихся поездами и другими видами транспорта, в разные стороны от Одессы, «очищал» карманы одесских и иностранных граждан. В пятидесятых годах, серьезно попался с поличным в составе банды, на одном зверском ограблении, но когда — бандиты, милиционеры, прокуроры, адвокаты и судьи — все одесситы, то виновной сделали банду из другого города, а Степана и его подельников, вместо того, чтобы расстрелять — освободили.

Банда распалась, кого сами ликвидировали, кого — конкуренты или правоохранители, а Степан вроде как «завязал», вернулся в свое село, похоронил родителей, женился и, как говорят в таких случаях — «залег на дно», навсегда. Ни одного дня официально не работал, выхлопотал небольшую пенсию по инвалидности и так и жил, ни с кем не общаясь. С женой они жили плохо, часто ругались, он когда выпивал, — бил её постоянно, но она, зная о его прошлом, никуда не жаловалась, просто боялась.

Лет через десять, после того, как они поженились, жену нашли утопленной, ниже по балке километров за двадцать, тело её зацепилась за сваи у небольшого моста. Перед этим был сильный ливень, вода в балке поднялась метров на пять и со страшной скоростью неслась вниз. Огород Степана выходил полого к балке, а завершался высоким каменистым обрывом. В том месте жена ежедневно привязывала козу. Во время ливня, уровень воды поднялся почти до половины обрыва. Как там что случилось — никто не видел, но жена Степана и, наверное, коза (её тоже нигде не нашли), упали в бурлящий многометровый поток и её отнесло далеко вниз по течению. У неё была рассечена сзади голова, ну, возможно, где-то ударило о камень..., когда она упала. Кто знает. С тех пор Степан уже много лет жил один. Ни он не к кому не ходил, и к нему тоже никто не заглядывал, просто так, по-соседски. Приходили только за вином или за самогонкой. При этом, Степан сам вино не производил, тем более не гнал самогон, зная, чем это грозит, но выпивка у него было всегда.

Спиртное ему поставлял дальний родственник, сын его двоюродной сестры, живший недалеко, в их районном центре, который находился в семидесяти километрах от Одессы. Тот «родственник», посещал Степана регулярно и вовсе не потому, что испытывал к нему нежные родственные чувства. Они были похожи друг на друга, не только внешне, но и «внутренне». По проверенной временем схеме, племянник привозил Степану один молочный бидон вина и пятилитровую канистру самогона. За неделю, этот объем Степан — «расторговывал». Обе стороны были довольны- племянник сбывал ворованное на станции вино (Районный центр, был еще и узловой железнодорожной станцией), а Степан, реализуя спиртное в полтора раза дороже оптовой цены, имел неплохую прибыль. Но не спиртное было главным связующим в отношениях дяди и племянника. Степан обладал большим приусадебным участком, более чем в половину гектара, на котором было всего несколько плодовых деревьев, а основная территория его пустовала (раньше). Племянник уговорил Степана, засеять ежегодно его коноплей, ну не весь целиком, а примерно около одной трети. Это было очень удобно. Сзади двора Степана — никто много лет не жил, там бурьян вымахал в рост человека, спереди — жила Надя с Васей, их огород тоже давно зарос бурьяном, а — в конце, его территория заканчивалась десятиметровым в высоту скалистым обрывом, где никто не бывает, а так как, по ширине, балка была метров пятьсот, с другой её стороны, тоже было несколько домов, но от них различить, что там у деда растет на огороде- было невозможно.

Поэтому, спереди, со двора, ради прикрытия, высаживалось несколько рядов кукурузы, а дальше сеялась конопля, 15–20 сотых. Дед Степан ко всему этому никакого отношения не имел, в плане производства видов работ. Приезжал из района трактор с роторной фрезой, два раза в год. Весной — рыхлил почву и убивал сорняки, осенью — перемалывал пожнивные остатки и тоже рыхлил почву. Приезжали какие-то люди, — руками рассыпали семена, а в положенное время, — приезжали группой, собирали вершки и семена конопли, и увозили куда-то. Все это быстро, оперативно, незаметно. А конопля — это марихуана, гашиш, то есть — наркотики.

Степану не было дела до всего этого производства, но свою «долю», 100 рублей за землю, и 100 рублей за «сохранность», в сезон,

он получал исправно. Понятно, что ни на улице, и нигде дальше, никто об этом не знал, до тех пор, пока в селе не появились любопытные «дачники».

Глава третья

Ну, что было, то было, а в эту зиму, у Степана появились царские деньги! Почти две сотни серебряных рублей!. Неизвестно, откуда их взяла соседка Мария, но явно не украла, так что криминала в этом деле не будет. Но, что с ними делать?. Опытный бандит Степан, чувствовал, что эти четыре килограмма серебра высшего качества, наверняка стоят денег. Только вот, — сколько они стоят? Как это узнать, да так, чтобы самому не влипнуть в какую-нибудь некрасивую историю, на старости лет?. Друзей и знакомых у него не было, значит заниматься вопросами возможной реализации без посредников, — не получится, оставить все как есть и никуда не обращаться, — так пропадут денежки, да и тянуть с решением этого вопроса, — тоже нельзя, — возраст, и не знаешь, что с тобой завтра будет....Остается — только племянник из райцентра. Степан не доверял ему, но другого выбора не было. Придется рискнуть.

Один раз в месяц, племянник привозил Степану большой полный газовый баллон, и менял его на — пустой. Привозил отдельные необходимые продукты и хозяйственные мелочи — муку, жиры, картофель, лук, крупы, сахар, соль. спички и т. п... Понятно, что не бесплатно. У Степана был небольшой холодильник, где он мог хранить отдельные продукты, от приезда до приезда племянника. Мясо и яйцо были свои, домашние, — Степан держал пару десятков курей, они круглогодично свободно ходили по большому огороду, сами находили себе корм, оставалось только наливать им воды. Короче говоря, в плане обеспечения продовольствием, проблем у Степана не было. Зимой плиту он топил редко, а в виде топлива, чаще использовал кукурузные стебли и сухой бурьян, заготовленный посуху с осени. Кроме того, он, в порядке разминки, собирал по развалинам домов, обломки балок, досок и другого разного, что могло гореть в плите, и на своей старинной двухколесной коляске, с длинным дышлом, перевозил все это летом, к себе во двор, в запас. Дом Степана был подсоединен к электросети, со счетчиком и регистрацией, все как положено. Один раз в квартал, из центральной усадьбы колхоза, приезжал уполномоченный на то человек, снимал показания счетчика, брал деньги за использованную энергию и выдавал квитанцию, а раз в год, приезжали люди из

сельсовета, — принимали платежи и налоги в местный бюджет. Так что Степан был законопослушным гражданином и долгов перед государством не имел. И он никого, и его — никто, — не трогал. А то, что он приторговывал спиртным иногда..., так это ему ставилось обществом скорее в заслугу, чем в вину.

Когда племянник в очередной раз привез газ и продукты, Степан рассказал ему про царские рубли, не вдаваясь в подробности — откуда, где и сколько. Вручил ему один рубль для образца и попросил, неважно, где и у кого, выяснить — каким образом и на каких условиях, можно обменять такие рубли на ныне действующие деньги. Пообещал 15 % вырученной суммы за услугу. Племянник повертел в руках монету, сказал, что сталкивается с таким делом в первый раз, пообещал помочь, но за 25 %. Степан вначале, возмутился, а потом согласился, деваться было некуда. Так и договорились, четвертая часть фактически полученной суммы от выручки за весь объем обмененных рублей, — будет выплачена племяннику. Вопрос остался открытым до тех пор, пока не будет выяснена покупная цена этих царских рублей в нынешних условиях. Племянник уехал, пообещав выяснить все интересующие Степана (а теперь и его) вопросы, и через неделю или позже, — сообщить о результатах. Заодно спросил у Степана, о цене вопроса, то есть о каких объемах ему вести речь, покупатель обязательно спросит об этом, не будет он голову морочить из-за нескольких монет. Степану, с большой неохотой, пришлось признаться, что речь идет о четырех килограммах серебра, — высшей пробы.

Его племянник не ходил в больших чинах в районной среде. Так, «шестерил», у одного местного богача, но предлагать тому царские рубли не стал, во-первых, зная ограниченность интересов «хозяина», во-вторых, — опасаясь потерять не только свою долю, но и весь товар. С деятелями местного масштаба, в те, девяностые годы, вообще нельзя было вести никаких дел на договорной основе. Потому что не было той самой «договорной» основы. Все строилось на возможностях, замешанных на Силе, Наглости и Связях. Надо было выходить на более высокий (валютный) уровень. Был у того племянника один кореш по зоне, коренной одессит, иногда они пересекались по вопросам сбыта ворованной продукции, а — главное, племянник несколько лет, сбывал ему выращенную на огороде Степана коноплю. Правда, с коноплей в этом году, ничего не вышло, дачники помешали и теперь неизвестно,

когда можно будет возобновить её посевы, скорее всего, не скоро.

Но тот товарищ по зоне, наверняка знает, кого могут заинтересовать царские рубли. Племянник выехал в Одессу, нашел того подельника и объяснил ему ситуацию. Тот все понял, но обратил внимание, что такое «денежное» обращение, чревато последствиями, это тебе не украденные тряпки сбыть или даже машину зерна. Это уже подпадает под понятия — «валютные операции», поднадзорные КГБ, ну и т. д... Но, он знает, с кем можно «перетереть» по этому направлению. И всего — за 10 % (из доли племянника, естественно). Тому пришлось согласиться. Он передал одесситу образец, назвал возможный объем обмена, потом они договорились о периодической связи с целью информации, и — разошлись.

Обычно воры и посредники, работающие в определенном регионе, не «распыляются», а имеют постоянную связь с покупателями ворованного, чаще всего, — с одним, иначе возможны неразберихи и попутные ненужные неприятности. Знакомый племянника деда Степана, за годы своей достойной «службы», удостоился чести (права), посещать одного из ведущих городских (читай — областных и далее) — скупщиков — Мануила Моисеевича, которого все домашние и просто знавшие его люди, называли всегда — МОНЯ, этого было достаточно и без всяких там отчеств; скупщика потомственного, скорее всего, представителя одной из тех династий, что складывались еще со дня основания города Одессы. Моня хорошо помнил своего отца, и его отца (своего деда), дальше он не помнил, и с детства учился у них «оценивать», покупать и перепродавать что-либо, кем-то, украденное, при этом, официально работая закройщиком и, имея для прикрытия свое небольшое, но разрекламированное легальное «дело», в виде швейной мастерской, где, параллельно с пошивом нового, — перешивались, перелицовывались и подгонялись под клиентов, поступающие вещи, а также — шли в торговлю, во все её направления, включая — государственную.

Семейное «гнездо» Мони Моисеевича, было очень удачно расположено на одной из улиц центрального района Одессы. Причем «лицом» на оживленную улицу, выходила швейная мастерская, а сама квартира, где жила его семья, имела вход с обратной задней стороны, со двора. Раньше, при царской еще власти, весь одноэтажный, но высокий и красивый дом, целиком принадлежал большой семье предков Мони.

После всех революций, реквизиций, реформ и передраг, у семьи осталась одна треть жилой площади, но- таки — Осталась!. Мало того, еще и с помещением мастерской, и с очень неплохим выходом на улицу!. Мастерская имела незаметный для посторонних выход в квартиру, а из самой квартиры, имелись, тоже мало кому известные выходы на весь чердак над домом, а главное, — в подвал, из которого, в случае необходимости, можно было выйти в одесское городское подземелье, то есть — катакомбы. Один только Бог и отец Мони, знали, во что это обошлось, — сохранить такое место при всех режимах, включая румынскую оккупацию. Место обитания Мони и его семьи, было надежно защищено не только своим расположением, но и разработанной и действующей системой предупреждения, оповещения и охраны, так что застать врасплох эту команду, было практически невозможно, тем более — «накрыть». Для хранения скупаемых вещей, их сортировки и приведения в соответствующий вид, Моня Моисеевич, имел еще два места, в разных концах года, нахождение которых было известно только ограниченному числу доверенных лиц.

Когда ему доложили, что прибыл знакомый ему человек с каким-то предложением, Моня принял его, как заказчика, в мастерской. Это был тот самый подельник племянника Степана, с предложением по серебряным рублям. Он показал Моне полученный для образца рубль. Тот взял лупу, другие необходимые для оценки аксессуары, убедился, что монета подлинная и соответствует всем стандартным понятиям. Спросил — какой объем предлагают и что просят. Принесший монету сказал, что поставщик хочет узнать, что ему предложат. Моня сказал, что заниматься нумизматикой у него нет желания, он, если и возьмет монеты, то только по общему весу, как серебро и подчеркнул, что не советует идти к кому-то еще с этим же предложением. В принципе — работа с дорогими металлами, не его профиль, но он хорошо знает, что и сколько сегодня стоит. А в Одессе все, кто занимается валютой, друг друга знают и будут солидарны в оценке, поэтому, никто им дороже не заплатит, чем он, если захочет заняться этим. Тем более, Моня пойдет навстречу знакомому человеку, с которым придется еще работать. Потом назвал цену за килограмм серебра, по которой он возьмет всю партию. Парень, для порядка, что-то там в уме посчитал, прекрасно понимая, что торг идет односторонний, — сколько дадут, — то надо брать, и — согласился.

Они договорились, что племянник деда Степана — привезет в Одессу все серебряные рубли, парень-одессит его встретит, и вместе с ним, подъедет по указанному Моне адресу. Там продавца будут ждать, примут товар и после проверки, — произведут расчет по условиям сегодняшней договоренности. И все. Одессит только попросил, чтобы его долю (10 % от суммы оплаты), отдали ему, на месте, сразу после сделки, чтобы не было никаких неожиданностей. Моне согласился.

Когда позвонил племянник, одессит доложил ему все условия и порядок расчетов, попросил согласовать условия с хозяином монет, Степаном и, если тот будет согласен, — сообщить, когда товар будет доставлен в Одессу. Через пару дней, тот же племянник позвонил и назвал дату и примерное время своего прибытия в Одессу. Договорились о месте встречи. Парень-одессит сообщил об этом Моне, тот назвал адрес, куда надо будет подъехать, произвести оговоренную сделку и назвал пароль для того, чтобы продавца с кем-то не перепутали.

Когда продавец и посредник, через день, встретились у входа на Одесский Старо-конный рынок, как договаривались, одессит попросил племянника оставить машину на стоянке при автовокзале, а на его машине — проехать к месту встречи. Так и сделали. Подъехали к назначенному месту, остановились, не доезжая метров тридцать. Одессит остался в машине, а племянник пошел по указанному адресу. Там его ждали, когда он назвал пароль — впустили в дверь. В доме его встретила женщина, она проверила и приняла товар, потом вынесла два пакета с деньгами и попросила пересчитать их при ней. В одном конверте — была основная сумма, в другом — доля одессита-посредника. Женщина попросила племянника сразу передать посреднику его долю. Пусть посредник, мол, выйдет из машины и поднимет руку, в знак того, что он получил деньги, она будет наблюдать за ними из окна. Так приказал хозяин, согласно договоренности.

Племянник сделал все, как было приказано, и попросил одессита поскорее уехать отсюда, уж больно место ему показалось таким мрачным.... Потом подъехали к автовокзалу, племянник пересел в свою машину, компаньоны по-доброму распрощались, поздравили друг друга с успешной сделкой, одессит посетовал, что в этом году, не получилось с коноплей, а в конце договорились — созваниваться, если будут какие-то деловые предложения, и на этом — они расстались.

Через несколько дней, в областной газете, появилось сообщение, что такого-то числа, при въезде под арку железнодорожного моста, недалеко от станции Кучурган, водитель автомашины «Жигули», не справился с управлением и совершил наезд на арочную основу моста. Водитель погиб на месте. По счастливой случайности, метрах в пятистах за ним, ехала милицейская машина. Милиция оцепила место происшествия, вытащили водителя из салона, вызвали скорую помощь, но было поздно, помощь не понадобилась. По заявлениям ехавших сзади милиционеров, перед подъездом к мосту, машина вдруг начала вилять по дороге, а потом ударилась в арку. Кроме водительского удостоверения, у водителя, жителя местного районного центра, при себе, больше ничего не было....

Так совпало, но еще через неделю, в заброшенном селе, где жил Григорий, случайно обнаружили тело деда Степана. В его же доме. Он отравился газом. Его обнаружила женщина, контролер по электроэнергии. По счастливой случайности — никто больше не пострадал. Степан, скорее всего, что-то готовил на газовой плите и, возможно, лег отдохнуть, может быть, даже уснул, плиту не выключил, а баллон был открытым, так и случилось несчастье — объясняли районные следователи. А, нашедшая его женщина — не пострадала, потому, что к моменту её появления, Степан уже несколько дней лежал на кровати отравленным, а весь газ из баллона давно вышел и развеялся, поэтому и последствий не было....

Глава четвертая

Теперь можно было и немного перекусить. Еще до начала официального рабочего дня, подошли два уважаемых заказчика, на примерку костюмов. Моня Моисеевич, уточнил с ними отдельные детали, пометил у себя, что необходимо доработать по мелочам, а когда заказчики ушли, — решил позавтракать. Не стал переходить в дом, а сварил себе кофе в кабинете, приготовил бутерброды, открыл дверь, чтобы был виден вход в мастерскую, подумал, решился (слава Богу, теща-то в доме!), налил себе рюмочку хорошего Тираспольского коньяка, выпил и принялся за бутерброды. Мастерская у него имела чисто мужское направление, — костюмы, брюки, куртки, рубашки, иногда даже головные уборы. Моня работал на правах кооператива, он-закройщик, а еще в коллективе — три женщины- швей-мотористки. Кооператив перерос из подпольного цеха, в котором раньше — днем только принимали заказы, а вечером, на том же государственном оборудовании, те заказы исполняли. Чтобы не было проблем с властью, отдельные, как правило, мелкие и недорогие заказы, исполнялись и днем, для проверяющих органов и отчетности. Теперь- «перестройка», свобода, кооперация входит в моду. Мастерская пользовалась заслуженным уважением в городе, выполняла заказы качественно, но её услугами могли пользоваться далеко не все желающие, так как, не всем заказы у Мони, были по карману.

Неделя начиналась довольно удачно. Вчера удалось отправить солидную партию высокопробного серебра. Вдоль черноморского побережья Кавказа, от Одессы, до Батуми, регулярно ходили пассажирские теплоходы, с «республиканскими» названиями: — «Грузия», «Украина», «Молдавия», «Абхазия», «Аджария» и еще с целым рядом подобных имен. Ходили и как просто пассажирские, и как круизные, по кольцу — туда и обратно. На отдельных из них, у Мони были «свои» люди. Где директор ресторана, где шеф-повар или музыкант, а где и какой-нибудь, по номеру, — помощник капитана, от первого до четвертого. Моня иногда пользовался их услугами по доставке чего-то нужного «там» или «здесь». Вот, к примеру, на той неделе, отправил партию серебра в Батуми, этот металл пойдет в

Турцию, там его используют для различных украшений, своего качественного серебра у них не хватает. Почему в Батуми? — Там раньше жила его тетя, сестра мамы, сегодня её уже нет, а в их доме, где, кстати, родилась и мама Мони, сегодня живет его двоюродный брат по матери, Артак. Отец у него был армянин, поэтому Артак считает себя армянином, а не евреем, по матери, и гордится этим. Он, помимо всего разного, имеет дело с валютой и дорогими металлами, в районе Колхиды. Ему Моня и отправил ту партию серебра.

А из Батуми в Турцию, металл перенесут местные ребята, с которыми работает Артак, для них переход советско-турецкой границы — не есть проблема. Моня взял себе за правило, — не хвататься за непонятное — необъятное, не стремиться иметь сверх прибыли, чтобы блистать в обществе, а — работать тихо, малозаметно, по одному главному направлению, небольшими партиями, но уверенно, надежно, гарантированно и постоянно, а главное — не лезть в чужие дела и не путаться под ногами. Он хорошо помнил, как совсем в недавние времена, в Одессе, поступали с теми, кто хотел много и сразу. Как говорится — многих уж нет, а еще многие находятся далече. Зачем?! Ему хватало того, что его окружало. Иногда он выходил за рамки дозволенного государственными нормами, но очень осторожно относился к соблюдению законов «по понятиям», по которым жило одесское «блатное» сообщество. Даже в недавнем случае с покупкой серебра; да, это был не его профиль, но с той партии, что была отправлена в Батуми, он не только неплохо «наварился» сам, но и дал заработать представителю городского «сообщества», тому самому посреднику, и, попутно, — представителям Госавтоинспекции (именно они по его наводке, подстроили аварию племяннику деда Степана, ехали за ним следом и забрали себе деньги, которые тот получил за серебро). Причем, деньги, которые пошли милиционерам, были засчитаны в актив Мони, как взнос в городской воровской «общак».

Моня жевал бутерброд с замечательной одесской колбасой, запивая его коньяком, и так хорошо ему было с самого утра, может быть, и день сегодня выдастся удачным. Он налил в чашку кофе, подумал и решил добавить «до пары» еще рюмочку коньяка. Наполнив рюмку, потянулся к чашке с кофе и в это время, — в кабинете потух свет. Кабинет был в дальнем углу мастерской, дневной свет из окон туда проникал слабо. Моня, чертыхаясь, поднялся — пощелкал выключателем в кабинете,

потом- в мастерской. Там свет горел, — значит у него, в кабинете, лампочка перегорела. Принес новую лампочку, посмотрел на абажур-высоко, даже со стремянки — не достанешь. Поставил на стол табурет из мастерской, встал на стул, поднялся на стол и влез на табурет. Выкрутил старую лампочку, положил её в карман рабочего халата, поставил на место новую и слез с табурета. В это время — из кармана халата — выпадает сгоревшая лампочка, Моня непроизвольно пытается её подхватить, резко нагибается и...падает со стола на пол. Но не просто падает. Полой халата, он цепляется за письменный прибор, стоящий с передней стороны стола, и, падая, — тоже сбрасывает его на пол. Повезло ему, что они с тем прибором, упали с разных сторон стола, если бы прибор упал на него, даже страшно подумать, что бы с ним (Моней) было.

Прибор был отлит из какого-то, на вид пористого черно-серого металла. Большое, сантиметров в тридцать в длину и высотой в мужскую ладонь, основание, сверху — по краям- два небольших гнезда под чернильницы, ближе к середине- два невысоких прямоугольных пенала, для ручек и карандашей, а между ними, — тоже отлитый в металле, крестьянский домик, покрытый снопами, посредине крыши— дымоходная труба, из которой, ехидно улыбаясь, вылезает черт, держа в руках курительную трубку. Вся эта устрашающе-уродливая конструкция, сплошь черная, с отдельными серыми пятнами, у всех, кто на неё смотрел, ничего, кроме отвращения не вызывала. Но она стояла на этом столе, с тех пор, как Моня себя помнил, и, наверное, даже в те времена, когда за этим столом работал еще его дед, то есть — от царских, до нынешних «перестроечных» времен. Этот, страшный на вид, старинный письменный прибор, был довольно тяжелым, поэтому и сохранился до сих пор, пережив и царизм, и революции, и интервентов — оккупантов, и даже всех жуликов и погромщиков. Благодаря всем своим отрицательным внешним качествам, при той же внешней ничтожной ценности, он за многие годы, так и не был никем ни уворован, ни забран или реквизирован, даже властью, а просто вызывающе стоял на этом столе, наверное, ждал своего часа.

И вот тот час настал....Моня больно ударился об тоже упавший табурет, до крови разбил себе колено, но, когда он увидел то, что увидел, то сразу — забыл про боль в ноге. С торцевой стороны стола, лежал развалившийся на три части, письменный прибор, домик был

фактически не разрушен, только дымовая труба, вместе с чертом, отломилась и отлетела в сторону. Моня подошел ближе развернул разбитые куски и понял, что основной корпус прибора был полым, то есть пустым внутри, но, практически все основание было чем-то заполнено, каким-то предметом, похожим на широкий плоский брусок. Когда Моня раздвинул пошире изломанные куски, оказалось, что в основание был вложен, похожий на отрезок доски, слиток желтого металла, завернутый со всех сторон в блестящую фольгу, снизу — брусок прикрывала вырезанная по размеру жестянка, а дальше — все основание было залито слоем какого-то легкоплавкого металла или сплава- возможно — оловом или свинцом, почерневшим от времени.

Моня взял в руки тот желтый брусок, развернул фольгу, и...руки его непроизвольно задрожали, да и по всему телу прошелся непонятный холодный озноб. Он осмотрел брусок со всех сторон; по внешнему виду и весу, было похоже, что это ничто иное, как золото! ЗОЛОТО! На обеих торцевых узких сторонах бруска — было вдавлено клеймо — 750. Можно было предположить, что, если это — таки золото, то оно 750-й пробы, то есть самый подходящий материал для изготовления ювелирных изделий и украшений. Вот это да! Кто же подготовил такой подарок для Мони?! И — для него ли!?. Моня не верил своим глазам, он вышел из кабинета в мастерскую, еще раз осмотрел брусок и убедился, что это действительно золото. В углу мастерской стояли небольшие бытовые весы, Моня машинально подошел к ним, и, также машинально, взвесил тот брусок, он потянул на полтора килограмма, без нескольких граммов. Похоже — брусок действительно золотой, Моня мгновенно прикинул его примерную стоимость по нынешним ценам — выходила сумма в несколько десятков тысяч. Вот это подарок! Вот это Клад! Это тебе не те две сотни серебряных царских рублей, найденных в заброшенном селе! Это — целое состояние!

Его мысли прервал неприятный скрип двери, закрывающей проход из мастерской — в квартиру. Моня специально не смазывал дверные петли на ней, чтобы было слышно, когда дверь кто-то (кроме него самого) открывает. Послышался не менее неприятный, чем звук двери, скрипучий голос его тещи: «Моня, ты что, кого-то там убиваешь!?!». «Принесло вас, как всегда, — не вовремя!»-промелькнуло у него в голове, а вслух Моня произнес: «Все в порядке, мама, я просто нечаянно споткнулся. Не беспокойтесь!». Но теща уже начала преодолевать

трехступенчатый барьер, отделяющий дверь, ведущую в дом, от пространства мастерской. Моня держал в руках злополучный желтый брусок, надо было его куда-то быстро спрятать от бдительного ока тещи. На столе лежала длинная коробка от любимого Монеи, вафельного торта, которым он собирался завершить завтрак, запивая его кофе. Быстро вытряхнув из коробки остатки торта, Моня вложил в коробку золотой брусок, который удачно вошел туда по размеру, как будто был для этого и приготовлен, закрыл его крышкой и бросил в тумбочку стола. В последнее мгновение, еще успел набросить свой рабочий халат, на кучу покореженного металла, бывшего недавно письменным прибором, и, только успел подняться и повернуться к входной двери, как над ним уже нависла высокая костлявая фигура тещи. Моне она показалась старшей сестрой, того отвратительного чертенка, который вылезал из отбившейся дымовой трубы, возвышающейся совсем недавно на упавшем письменном приборе. Теща быстро окинула изучающим взглядом помещение кабинета, в принципе, ничего необычного, кроме опрокинутого табурета, не заметила, потом прокричала так, что наверное, было слышно и на улице (она, когда было ей надо — плохо слышала): «Так что!!?». Моня задрал штанину на ноге, показал разбитое колено. Теща невозмутимо прошла по периметру мастерской, осмотрела все и вся, и, так же невозмутимо — удалилась в квартиру, не сказав больше ни слова. Моня взял из висящего на стене в мастерской аптечного ящика, пузырек с йодом, обработал себе рану, сел на стул и задумался. Ошпаренный кипятком найденного клада, а затем остуженный ледяным душем тещино посещения, он, как бы возвращался на землю. До него начало доходить то, что с ним случилось. И случилось- на самом деле, а не в каком-нибудь там сне. Моня был трезвым, хладнокровным и расчетливым человеком и, несколько минут после ухода тещи, находился в таком непонятном состоянии, пытаясь убедить себя, что, вроде бы ничего не было и ничего существенного не случилось, кроме того злосчастного падения.

Но чем больше он думал, тем все более мрачные мысли лезли в голову. Открыл дверку тумбочки под столом, как-то наивно надеясь, что там ничего особенного нет- но там вызывающе лежала коробка из под торта, а в ней — хочешь — не хочешь, Моня, таки находился золотой брусок!. И не важно, чей он когда-то был, и кто его запаял в этот,

действительно «чертов» прибор, а сегодня — он у тебя в руках (Моня боялся говорить слово «Мой»), и теперь все вопросы и проблемы, связанные с этим золотом — уже твои проблемы. Твои, и только твои, Моня. Когда этот факт заполнил его целиком, он понял — какую «подлянку» подстроили ему его дорогие предки, наверняка, сами того не желая. Вроде бы ничего такого и не случилось, ну, нашелся случайно этот брусок, у тебя на столе, а попробуй ты, докажи теперь, откуда это золото, может быть краденное, а потом спрятанное, а может ты и сам все это подстроил, чтобы легализовать купленное краденное или даже сам где-то, у кого-то украл и т. д.?!. Вариантов проблемных вопросов, появлялось все больше и больше, у Мони до обеда, от них голова распухла.

Во-первых, надо четко определится- чье это золото. Моня сразу же убедил себя в том, что оно в любом случае- принадлежит его семье, кто бы его не заложил в письменный прибор, — отец, дед или прадед, оно все равно наше. Ну, это он так считает, хотя никаких подтверждающих документов, на этот счет, у него на руках нет, и вряд ли когда будут. Выходит так, что он нашел — Клад. Но, объяви сегодня об этом публично, Моня обязан будет сдать его (золото) государству, и, даже, если не возникнут какие-то дополнительные проблемы (а они обязательно возникнут!), то в лучшем случае, ему могут выдать в порядке вознаграждения, четвертую часть стоимости найденного золота, естественно в пересчете по государственным ценам на советские рубли. Мало того, узнав об этом, воровское сообщество Одессы, обязательно захочет заполучить от дополнительного дохода Мони, свою долю в городской «общак», и опять не от государства, а из его «премиальных». Ну это же — вообще грабеж!. Выходит так — Найди, Моня, золото, у себя дома, а потом ходи и раздавай его по городу?!. «Ну, нет ребята, так дело не пойдет!» — возмутилось все его существо, и законопослушный до сих пор, Моня, вопреки своему трезвому и рассудительному уму, и даже накопленному опыту, — принял решение — ни с кем не делиться: ни с государством, ни с «братьями» — ворами. Пусть золото пока полежит у него, а там, что-то придумаем.

Тут же появилась проблема — куда его девать, уже сегодня, сейчас. В дом нести нельзя, там одна только теща- «искатель-копатель», найдет все, что угодно и где угодно. В банк сдать — тоже нельзя, да и просто отдать на хранение, — кому-то из родных — друзей, — тоже. В

мастерской — опять же — не оставишь. Где-то спрятать на стороне — так выследят, случайно или специально, в общем, — что хочешь-то и делай, но хранить золото в такой ситуации, просто нигде.... «И где оно взялось на мою голову!» — отчаянно искал выход Мануил Моисеевич, кляня всех подряд, начиная от своих «щедрых» предков, — до нынешней власти и суровых воровских «понятий». Но делать что-то было надо!. Вспомнил простое действующее жизненное правило:- если хочешь что-то спрятать — положи его на видном месте и никто не тронет. Он оставил коробку от торта, с вложенным туда золотым бруском, в тумбочке своего рабочего стола, обложил её сшитыми блокнотами чистых приемных квитанций и счетов, закрыл дверцу на ключ и — положил его в карман. Второй ключ от этого замка, Моня хранил в квартире, поэтому никто посторонний открыть тумбочку не мог, да и откуда возьмутся те, посторонние в его кабинете?!

Прошло некоторое время. Моня переменялся и внешне, и внутренне. Куда девалась его неподдельная веселость и любезность, профессиональная приветливость и чувство такта. Он замкнулся, перестал выходить в город, посещать друзей и родственников, да и просто выходить прогуляться на любимый с детства Приморский бульвар. И домашние, и работники мастерской, не могли не заметить произошедшие с ним перемены, спрашивали — как здоровье, в чем дело и т. д., он только отшучивался, а, иногда — просто обрывал надоевшие ему расспросы. Но так продолжаться долго не могло, и Моня, скрепя сердце, решился. Решился опять связаться со своим двоюродным братом, Артаком, которого не любил с детства и, которому никогда не верил, по многим причинам. Артак, кстати, почему-то, еще не прислал деньги за отправленное ему серебро, а тут придется опять к нему обращаться, уже с золотом. Они с Артаком были почти ровесники, знали друг друга с детства, но брат, как был непредсказуемым проходимцем с молодых лет, — таким и остался. У него были сотни знакомых и поделщиков в разных регионах Союза и даже за рубежом, причем на разных уровнях. Необъяснимо, но ему практически никто не доверял, и в то же время, многие имели с ним общие дела. Парадокс. Хотя, скорее всего, Артака, с его удивительными способностями пролезать везде, просто использовали в своих целях, более ловкие и осторожные мошенники.

Главное, что привлекало в нем Моню, на сегодня, — это его

контакты с людьми, связанными прямо или косвенно с операциями по валюте, драгоценным металлам и изделиям из них. Поэтому Моня и решил навестить этого братца и не где-нибудь, а в его родном Батуми. Перепоручать такие вопросы кому-то, даже очень близкому человеку, было нельзя, поэтому Моня намерился отправиться в Батуми — лично. Там — получить от Артака расчет за серебро и — постараться, опять же через него, — найти покупателя на золото, да так, чтобы самому не светиться.

Приняв такое решение, Моня связался через специального посредника с Артаком и условным языком дал понять, что имеет дорогой металл, который надо выгодно и безопасно реализовать. Артак ответил, что с покупателем проблем не будет, если только товар качественный. Моня сказал, что приедет сам в Батуми и, чтобы Артак подготовил деньги в оплату за серебро. Тот согласился. Они договорились, что Моня сообщит посреднику о времени его прибытия в Батуми, при этом, Артак посоветовал ехать теплоходом, не связываясь с другими видами транспорта, по многим причинам.

Моня позвонил своему однокласснику, тот руководил эстрадным оркестром, работающим вахтовым способом (через неделю) на судах Крымско-Кавказской линии, был неплохим музыкантом, одно время играл в оркестре Одесского оперного театра, но был изгнан за слишком неумеренное пристрастие к спиртному. Одноклассник знал все и вся о морских пассажирских и круизных рейсах по маршруту- Одесса-Батуми, знал все суда, работающие по этой линии и знал соответственно, многих людей, занятых в этом виде сервиса. Он очень удивился, узнав, что Моня хочет попасть в Батуми и на — теплоходе. Дело в том, что мало какой уважающий себя одессит, в середине августа, пожелает покинуть Одессу, морем. Зачем одесситу на пике лета, что-то искать на берегах Кавказа?!. В это время теплоходы, особенно круизных рейсов, забиты приезжими со всех «холодных» концов Советского Союза, но если Моне так очень надо в те Батуми, то он предлагает отправиться туда в чисто «одесской» компании, не пассажиров, а именно — обслуживающего персонала.

Одноклассник понял, что Моня собирается посетить Батуми вовсе не для того, чтобы позагорать там на пляже, и даже не в поисках мифического Колхидского Золотого руна, которое возможно и было там когда-то, а чисто по делу. А раз так, то ему не стоит искать проблем с

передвижением на больших посудинах типа — «Россия», «Грузия» или «Одесса», где больше шика, где всегда особый пассажир, желающий «оторваться по полной», но те суда, находятся под постоянным негласным и гласным надзором специальных служб, и там всегда возможны любые неприятности, поэтому он предложил Моне совершить поездку на среднем по классу, не таким уж комфортном, но вполне пригодном для недельной командировки, круизном судне. Музыкант хорошо знает это судно, многократно ходил на нем и в пассажирском и в круизном варианте. Теплоход этот называется «Таджикистан», средний по классу, но обладающий высокими мореходными качествами, находится под патронатом Таджикской ССР, со всеми вытекающими последствиями, а главное — практически не входит в зону пристального внимания специальных служб, так как не работает на зарубежных линиях. В том числе и по этой причине, в отличие от большинства судов, работающих на этой линии, экипаж теплохода, а это, — около восьмидесяти человек, состоит практически, из одних одесситов. Передвигаясь на нем, одессит не замечает, что покинул пределы Одессы — тот же шарм, тот же юмор, те же свобода и демократичность, та же музыка и кухня.

На сегодня «Таджикистан» — в рейсе, но через несколько дней, утром, он прибудет в Одессу, а вечером- снова пойдет на Батуми. На главной палубе теплохода имеются двадцать двухместных кают и одна — одноместная. Две нижние палубы, занимают четырех и шестиместные каюты и помещения для экипажа. Моне он предложил взять билет в двухместную каюту, а не рваться в единственную одноместную или, тем более, в единственную каюту «люкс» на верхней палубе. «Единички — односпалки» — как правило, вызывают дополнительное внимание остальной массы пассажиров. И, хотя сейчас пик сезона, одноклассник, сказал, что постарается найти хорошее место. Когда Моня узнал, что билет на весь круизный рейс стоит 150 рублей на одного человека, то заявил, что желательно закупить оба места в каюте, вроде как для жены, хотя он поедет в каюте — один. На другой день — одноклассник — доставил ему два билета на очередной рейс «Таджикистана», а уже после этого, Моня объявил дома, что намерен съездить в Батуми, для осуществления расчетов за отправленный товар. Он должен получить расчет лично, поэтому никакие возражения и отговорки членов семьи (жены и тещи, дочь с семьей давно жила

отдельно), им приниматься не будут; и начал готовиться к поездке. На удивление, ни теща, ни жена, — возражений по данному вопросу — не имели. Надо — значит надо.